

Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. – М., 2008.

Словарь молодежного сленга. URL: <http://teenslang.su/>

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 1992. URL: <http://www.ozhegov.org>

С.Б. КОЗИНЕЦ | Оксюморон как языковое явление

Саратов

Статья посвящена лингвистическому описанию оксюморонов, которые рассматриваются прежде всего как языковые единицы, расширяющие экспрессивно-оценочное пространство языка, обогащающие его фразеологический пласт, а также выполняющие номинативную функцию. На основе семантического анализа выявляются системные свойства оксюморонов, устанавливается продуктивность различных семантических сфер.

Ключевые слова: *оксюморон; номинативная функция; семантическая классификация.*

Оксюронон – один из самых ярких тропов, поскольку он основан на сочетании противоположных по смыслу или несочетающихся понятий: *умная глупость, веселое горе, нищий богач, крик молчания* и под.

Оксюророны традиционно изучаются как средство выразительности в художественной литературе и публицистике. Собственно языковые свойства этих сочетаний изучены еще недостаточно полно, хотя детально рассмотрены механизмы формирования оксюморонов и особенности смыслового сочетания их компонентов (см., например: [Атаева 1975, Павлович 1979, Курегян 2007]). Проанализировав соотношение лексического и грамматического значений в оксюмороны, И. Гальперин, в частности, установил, что «в лексических значениях происходит столкновение семантических характеристик двух компонентов сочетания, вызывающее переосмысление одного из них. Обычно такому переосмыслению подвергается прилагательное. Как выражение качественного признака предмета или явления, оно менее стабильно, менее субстанционально, чем существительное» [Гальперин 1978: 65–66]. Однако необходимо уточнить: степень переосмысления того

или иного компонента оксюмороны сочетания зависит от того, с каким именно существительным сочетается атрибутив. Если существительное обозначает конкретное понятие, то в словосочетаниях типа *сентиментальный палач, невежественный ученый, трагичный юморист, скупой рыцарь* оно как бы сохраняет свое исконное значение. Если главное слово оксюмороны – отвлеченное существительное, к тому же обозначает какой-либо признак, то оба компонента подвергаются переосмыслению: *скупая щедрость, банальная оригинальность, простая сложность, убогая роскошь.*

В некоторых случаях прилагательное указывает на чрезмерное проявление какого-либо качества, свойства: *уродливая красота.*

Анализ значительного материала показал, что оксюмороны – явление гораздо более сложное и разнообразное по своему составу, чем их принято представлять, поскольку помимо разнообразных стилистических функций, они могут выполнять и номинативную функцию.

В статье предпринята попытка рассмотреть системные свойства оксюмороны, представив их не как средство выразительности, но прежде всего – как факт языка, где ярко проявляются главные языковые антинимии: статика – динамика, объективное – субъективное, социальное – индивидуальное.

*Козинец Сергей Борисович, доктор филол. наук, профессор Саратовского областного института развития образования.
E-mail: kozinec74@mail.ru*

Прежде всего, следует отметить, что, являясь нестандартными сочетаниями, оксюмороны приближаются по особенностям смысловой репрезентации к фразеологизмам: их значение, во-первых, не складывается полностью из значений компонентов (ср., например: *пигмейское величие, горячий лед, живые мощи*) их составляющих (т.е. семантика оксюморонов фразеологична), а во-вторых, они воспроизводятся всегда в готовом виде, вызывают специфические ассоциации, связанные с менталитетом носителей языка. Наконец, частотность употребления оксюморона вне определенного контекста и закрепление за ним конкретного значения переводит его в разряд идиом: *мертвые души* 'о людях, фиктивно числящихся где-л.', *живой труп* 'духовно мертвый человек, без дела, увлечения и чувств'. Поэтому утверждение, что «оксюмороны вызывают деавтоматизацию восприятия текста» [Черненко 2009: 258], верно только для тех оксюморонов, которые «живут» в определенном тексте и не покидают его пределов. Как только они становятся устойчивыми сочетаниями, сразу же утрачивают свойство деавтоматизации восприятия.

К идиомам следует отнести и оксюморонные сочетания терминологического характера: *сухое вино, сухой спирт, белая сажа, жидкий газ, жидкие гвозди, бесконечный предел* и др. Логического противоречия здесь не возникает потому, что одно из слов сочетания приобретает фразеологически связанное значение, закрепляясь в подобном употреблении именно в данном составном термине. Например, в сочетании *сухое вино* определение указывает на то, что в вине «досуха» (полностью) сброжен сахар.

В отличие от «поэтических» оксюморонов, «оксюмороны-термины» обозначают вполне конкретные понятия (или научные конструкты), т.е. обладают четким лексическим значением, не привязаны к определенному тексту. Их терминологичность проявляется и в том, что они отражены в основном в энциклопедических словарях и справочниках и практически отсутствуют в толковых словарях.

Подобные составные наименования представлены в языке незначительной в количественном отношении группой примеров (по нашим материалам, не более 20 из 660 – общего количества сочетаний, см.: [Козинец 2014]). Однако эта группа постепенно пополняется новыми сочетаниями, которые можно отнести, вероятно, пока еще только к публицистическим штампам (*отрицательное утверждение, обычный парадокс, коллективный индивидуализм, упорядоченный хаос, инертная активность, демократическая диктатура*), тем не менее это является подтверждением того, что за оксюморонами постепенно закрепляется еще одна важнейшая функция – номинативная.

Некоторые оксюмороны приближены к обычным сочетаниям из-за выветривания значения определяемого слова, которое обозначает, по сути, степень качества: *яркая бездарность, великое ничтожество, страшно красивый*. В последнем примере слово *страшно* является разговорным синонимом наречия *очень* (ср.: *страшно неинтересный, страшно талантливый*).

Одна из важнейших функций оксюморонов – выражения оценочности, яркой экспрессии: *невежественный ученый, наглая скромность, великое ничтожество, тупое остроумие, стыдливый цинизм*. Атрибутивные компоненты подобных оксюморонов уже содержат оценочность, однако экспрессивно-оценочные коннотации многократно увеличиваются за счет сочетания противоположных понятий.

Традиционно к оксюморонам относят словосочетания, однако оксюмороны могут по форме быть и предложениями:

Чем хуже, тем лучше; Грохочет тишина. (А х м а т о в а); Животворящие лучи смертельны. (С е в е р я н и н).

Оксюморонным может быть также сочетание компонентов сложного слова: *тихойрый* (Вяч. И в а н о в), *глупомудрый* (Петровых), *литаврово-немой, нежно-грубый* (Северянин), *холодожара* (ГородецкиЙ), хотя некоторые из них, по-видимому, занимают промежуточное положение между оксюморонами и антитезой:

Занесена пургой пушистой, / Живи, любовь, не умирай! / Настал для нас огнисто-льдыстый, / Морозно-жаркий, русский рай. (Кузмин).

Лексико-семантический анализ оксюморонов выявил, что они группируются в различные семантические сферы: сфера творчества, интеллектуальная сфера, эмоциональная сфера, зрительные ощущения, слуховые ощущения и т.д. (всего 16 объединений). В семантических сферах, в свою очередь, выделяются более мелкие смысловые группы, где значение оксюморона сужается. Так, например, сфера «Зрительные ощущения» включает тематические группы «Белый / Светлый – Черный / Темный» (*белая сажка, светлая тьма, темная ясность, черная белизна*), «Ясный / Яркий – Тусклый / Мрачный» (*мрачная белизна, неясная ясность, тусклые сиятельства*), «Зрячий – Слепой» (*видеть невидящим взором, всевидящий слепец, зрячий слепец, с широко закрытыми глазами*).

Тематическая классификация оксюморонов позволяет обнаружить степень продуктивности тех или иных оксюморонных моделей. К наиболее продуктивным относятся: «Эмоциональная сфера» (106 сочетаний), «Нравственно-этическая сфера» (94 сочетания), «Социальная сфера» (81 сочетание), «Бытийная сфера» (53 сочетания).

Расположение групп по ранжиру позволяет увидеть, что степень продуктивности зависит, во-первых, от степени абстрактности значения оксюморонов (если по отношению к ним в принципе применима такая характеристика): чем конкретнее понятие, которое обозначают оксюморонные сочетания, тем менее продуктивна эта семантическая сфера; во-вторых, немаловажную роль играет значимость понятий, входящих в оксюморон: не случайно именно эмоциональная сфера, отражающая такие контрастные чувства, как радость – грусть, веселье – тоска, оптимизм – пессимизм, любовь – ненависть, стала первым тематическим источником русских поэтических оксюморонов.

Большинство оксюморонов различных семантических сфер группируются – в

зависимости от того, что выступает в качестве отрицающего элемента – в структурно-смысловые объединения, составляя (в основном по формальному признаку) своеобразные антонимичные поля. Например, в оксюморонах семантической сферы «Температурные характеристики» высокую температуру может обозначать определение, а низкую – определяемо слово:

горячая любовь снеговика, горячий лед, горячий снег, жгучий холод, знойная стужа, кипящий лед, палящая зима, огнисто-льдыстый, пламенный лед, теплый холод, пламя зимы, раскаленный лед.

В другой, противоположной, группе определение обозначает низкую температуру:

ледяющий пыл, ледяное пламя, ледяной кипяток, ледяной костер, ледяной огонь, снежный огонь, студеная жара, студень зной, холодное пламя, холодное солнце, холодное тепло, холодный жар, холодный костер, холодный огонь.

Обращает на себя внимание тот факт, что при кажущемся разнообразии сочетаний они ограничены небольшой группой однокоренных производных, выражающих значение температуры.

Таким образом, оксюмороны – это не только яркое средство художественной выразительности: они стали, на наш взгляд, фактом языка, а не только речи. Оксюмороны расширяют фразеологический пласт, обогащают экспрессивно-оценочное пространство языка и, наконец, выполняют номинативную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

Атаева Е.А. Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975.

Гальперин И.Р. К проблеме необычных сочетаний слов // Проблемы общего и германского языкознания. – М., 1978.

Козинец С.Б. Словарь оксюморонов русского языка. – Саратов, 2014.

Курегян Г.Г. Лингвопрагматический статус оксюморона: на материале русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2007.

Павлович Н.В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. – М., 1979.

Черненко А.А. Проблемы понима-

ния оксюморона // Русский язык: система и функционирование: Сб. материалов IV Междунар. науч. конф. – Минск, 2009. – Ч. 1.

(Окончание текста со с. 36.)

ность расположения материала в учебнике. К примеру, при изучении синтаксиса автор делает акцент на том, как используются взаимоотношения между словами и сочетаниями для выражения мысли автора. Многие тексты комментируются с точки зрения объяснения использования той или иной формы и способа выражения, при этом комментарии предполагают не готовые объяснения: в них включены деформированные предложения, которые учащиеся должны дополнить соответствующими терминами. Задания предлагаются к выполнению как устно (рассуждение), так и письменно (ответ на вопрос, сочинение определенного типа, определение происхождения слова-термина и др.). Построена грамматика как гипертекст: части взаимодействуют, пересекаются, требуется обращение к последней части – в ней содержатся теоретические сведения. Теория не отягощает учебник: практическая текстовая часть пособия составляет до 4/5 его объема.

Положительная оценка трудам Перевлеского давалась во многих столичных и провинциальных периодических изданиях. С уважением относился к Перевлескому В.Г. Белинский, обращался к его сочинениям Н.Г. Чернышевский, одно время преподававший русскому словесность. Одобрительно отзывались о его трудах известные лингвисты и педагоги Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, А.Н. Пыпин, И.В. Срезневский. Современный же педагог, думается, найдет в лице П.М. Перевлеского не только наставника-методиста, но

и педагога-практика, учителя-подвижника, уроки которого во многих своих проявлениях созвучны и нашему времени.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский М.К. История русской фольклористики: В 2 т. – М., 1958. – Т. 1.

Белинский В.Г. Русская грамматика Александра Востокова // Отечественные записки. – 1844. – № 8 (т. XXXV).

Бондаренко М.А. Языковая подготовка в военно-учебных заведениях Российской империи. – М., 2013.

Виноградов П.А. Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской III гимназии. – М., 1889.

Глинский Б.Б. Среди литераторов и ученых. – СПб., 1914.

Данилевский Г.П. Московский дворянский институт // Данилевский Г.П. Соч. в 24 т. – 1902. – Т. 14.

Литературный архив: материалы по истории русской литературы и общественной мысли. – СПб., 1994.

Мусоргский М.П. Письма. – М., 1984. Отечественные записки: Библиографическая хроника. – 1847. – № 7.

Несколько замечаний о книге г. Перевлеского «Начертание русского синтаксиса» // Отечественные записки. – 1849. – № 10.

Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год. – СПб., 1886.

Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. – СПб., 1873. – Т. 2.

Перевлеский П.М. Практический синтаксис сложного предложения и стихосложение. – М., 1842.

Современник. – 1853. – № 3. – Отд. IV.